

ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ СТРАН АЗИИ

УДК 32:34
ББК 66.1–21

«НАСЛЕДИЕ ЧИНГИСХАНА» КАК АЗИАТСКИЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО УЧЕНИЯ ЕВРАЗИЙСТВА*

Е. А. Куликов

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В статье анализируются труды представителей классического евразийства. Особое внимание уделено работам Н. С. Трубецкого, который одним из первых определил важность азиатского (восточного) вектора развития русской государственности. Социально-экономическое и геополитическое обоснование этому вектору дал П. Н. Савицкий. Проявления азиатского влияния в идее монархии и ее реализации в России были проанализированы Н. Н. Алексеевым. Наконец, Г. В. Вернадский сформулировал идею синтеза восточного православия Византии и государственной организации монгольской империи в фундаменте Российского государства. Азиатский фактор складывается из идеи-принципа, каковой выступает объединение внутренней части Евразии, а также из механизма осуществления этой идеи, опирающегося на систему устройства великой монгольской империи Чингисхана. В политико-правовых взглядах представителей евразийства этот фактор может быть назван «Наследие Чингисхана». Влиянию этого наследия на русскую историю, а также на формирование учения евразийства и его обособление среди остальных направлений отечественной мысли посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: евразийство, азиатский фактор развития, монгольская государственность, Московское царство, месторазвитие, идея-правительница.

“LEGACY OF GENGHIS KHAN” AS AN ASIAN FACTOR IN THE FORMATION OF THE POLITICAL AND LEGAL DOCTRINE OF EURASIANISM

E. A. Kulikov

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article analyzes the works of representatives of classical Eurasianism. Particular attention is paid to the works of N. S. Trubetsky, who was one of the first to define the importance of the Asian (Eastern) vector of the development of Russian statehood. The socio-economic and geopolitical substantiation of this vector was given by P. N. Savitsky. The manifestations of Asian influence in the idea of monarchy and its implementation in Russia were analyzed by N. N. Alekseev. Finally, G. V. Vernadsky formulated the idea of a synthesis of Eastern Orthodoxy of Byzantium and the state organization of the Mongol Empire in the

* Статья выполнена при финансовой поддержке фонда грантов Президента РФ для молодых российских ученых – кандидатов наук / Проект № МК-483.2020.6 «Евразийская альтернатива государственно-правового развития России: генезис, содержание, современное прочтение».

foundation of the Russian state. The Asian factor is formed from the idea-principle, which is the unification of the inner part of Eurasia, as well as from the mechanism for implementing this idea, based on the system of the structure of the great Mongol empire of Genghis Khan. In the political and legal views of the representatives of Eurasianism, this factor can be called the “Legacy of Genghis Khan”. This article is devoted to the influence of this heritage on Russian history, as well as on the formation of the doctrine of Eurasianism and its isolation among other areas of Russian thought.

Keywords: Eurasianism, the Asian factor of development, Mongolian statehood, Muscovy, local development, the idea of the ruler.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2021\)1.10](https://doi.org/10.14258/ralj(2021)1.10)

Политико-правовое учение евразийства формировалось в эмигрантской части российской общественной мысли после Великой русской революции 1917 г. и Гражданской войны. Это своего рода одна из реакций (наряду с движением «веховства» и «сменовеховства») на прошедшую революцию, на глубочайший раскол российского общества, особенно его мыслящей, интеллигентской части, вызванный этой революцией. Авторы сборников «Вехи», «Из глубины», «Смена вех», а также представители евразийства во многом могут быть названы «рожденными революцией». Многие из них успели получить вузовское образование еще до Первой мировой войны, но становление мировоззрения как раз пришлось на период с 1914 по 1921 г. Поскольку сознательно революцию не принял никто из них, в начале 20-х гг. XX в. они были вынуждены навсегда покинуть родину. Безусловно, такого рода обстоятельства нашли отражение во всем последующем творчестве, но особенно в работах 20-х гг.

При этом необходимо отметить, что между веховством, сменовеховством и евразийством существует как достаточное количество общих черт (можно, например, проследить общее понимание ряда религиозных и вытекающих из них политико-правовых вопросов у Н. А. Бердяева и Н. Н. Алексеева или же усмотреть сходство в воззрениях на советский строй и его политические возможности у Н. В. Устрялова и Н. Н. Алексеева и т. п.), так и не меньшее количество различий. Евразийство — вполне самостоятельное политико-правовое учение, содержательную специфику которого признают даже его противники, отколовшиеся от движения и выступившие в дальнейшем с его критикой. Так, Г. В. Флоровский, подвергая определенным образом им понимаемое евразийство уничижительной критике (хотя на самом деле его аргументы бьют «мимо», не затрагивая сути учения того же Н. Н. Алексеева или Н. С. Трубецкого), признает, что «нельзя замалчивать евразийскую правду, но нужно сразу и прямо сказать, это — правда вопросов, неправда ответов, — правда проблем, а не решений; так случилось, что евразийцам первым удалось увидеть больше других, удалось не столько поставить, сколько расслышать живые и острые вопросы творимого дня» [1, с. 354].

Аналогичным образом и Н. А. Бердяев, посвятивший евразийцам специальную критическую статью, указывает на положительные стороны учения: «Евразийцы — не вульгарные реставраторы, которые думают, что ничего особенного не произошло и все скоро вернется в свое прежнее место; евразийцы чувствуют, что происходит серьезный мировой кризис, что начинается новая историческая эпоха; заслуга их в том, что они остро чувствуют размеры происшедшего переворота и невозможность возврата к тому, что было до войны и революции...» [2, с. 26]. Можно предположить, что процитированные современники евразийства готовы признать его состоятельность как политико-правового учения, но при этом не готовы признать методологию и идеологию евразийцев как отвечающую их собственным мировоззренческим ожиданиям.

Специфика политико-правового учения евразийства кроется в его названии (что является на сегодняшний день общепризнанным). Наименование «евразийство» указывает на синтез европейских и азиатских начал в политико-правовой доктрине. Причем речь идет не о механистическом слиянии, а об органическом синтезе. Синтез евразийства состоит в том, что под влиянием событий 1914–1921 гг., с учетом предшествующего опыта отечественной политико-правовой мысли (трудов нестяжателей, Н. Я. Данилевского, Ф. М. Достоевского, К. Н. Леонтьева, П. И. Новгородцева и ряда других мыслителей), родилось совершенно новое восприятие российской истории, современности и будущности. Не случайно ядро евразийства представлено филологом Н. С. Трубецким, специалистом

в области геополитики П. Н. Савицким, правоведом Н. Н. Алексеевым, историком Г. В. Вернадским и музыковедом П. П. Сувчинским. Представители ключевых направлений гуманитарной мысли объединились, ощутили единоплеменные и произвели уникальное самобытное политико-правовое учение, учитывающее языковую, культурную, геополитическую, историческую и правовую специфику российской цивилизации. Другие сподвижники направления также на разных этапах вносили собственный вклад в евразийство, что только обогащало его содержательные стороны.

Вот как сами евразийцы определили в 1921 г. свое место в отечественной политико-правовой мысли: «Всякое современное размышление о грядущих судьбах России должно определенным образом ориентироваться относительно уже сложившихся в прошлом способов решения, или, точнее, самой постановки русской проблемы: „славянофильского“ или „народнического“, с одной стороны, „западнического“ — с другой. Дело здесь не в тех или иных отдельных теоретических заключениях или конкретно-исторических оценках, а в субъективно-психологическом подходе к проблеме. Смотреть, вслед за некоторыми западниками, на Россию как на культурную „провинцию“ Европы, с запозданием повторяющую ее зады, — в наши дни возможно лишь для тех, в ком шаблоны мышления превозмогают власть исторической правды: слишком глубоко и своеобразно врезались судьбы России в мировую жизнь, и многое из национально-русского получило признание романо-германского мира. Но утверждая вслед за славянофилами самостоятельную ценность русской национальной стихии, воспринимая тон славянофильского отношения к России, мы отвергаем народническое отождествление этой стихии с определенными конкретными достижениями, так сказать формами сложившегося быта» [3, с. 24]. Тем самым в предисловии к своему первому программному сборнику статей представители евразийства указывают на самостоятельное место и роль среди традиционных направлений отечественной политико-правовой мысли — западничества, славянофильства и народничества.

Что же позволило евразийству оформиться в качестве самостоятельного течения отечественной мысли? Что определило тот самый евразийский синтез, ставший квинтэссенцией трудов всех представителей этого течения? При первом приближении к проблеме можно предположить, что таковым выступило признание евроазиатской природы российской цивилизации, ее самобытности относительно Европы и Азии, ее срединного положения. Однако это скорее итог развития евразийства, нежели движущий его фактор. Следует сказать, что евразийцы не отвергали методологических достижений европейской мысли, того же Н. Н. Алексеева с полным основанием можно считать не только евразийцем, но и неокантианцем и одним из разработчиков российской версии феноменологической теории права [4, с. 21]. Н. Н. Алексеев и Н. С. Трубецкой исследовали историю с точки зрения юридической антропологии [5, с. 72–75] и цивилизационного (духовно-культурного) подхода [6, с. 101], которые в равной мере разрабатывались российскими (Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев) и европейскими учеными (О. Шпенглер, Ф. Боас и др.). Оставаясь на подобных методологических началах, вряд ли евразийство смогло бы выделиться из традиционного «почвенничества» или из интеллигентского западничества и затерялось бы среди подобных политико-правовых направлений. Однако наряду с методологическими основаниями есть смысл предположить существование у истоков евразийства сильного метатеоретического фактора, сильной идеологической и даже идеократической установки, уравновесившей влияние традиционных западничества и «почвенничества» настолько, что смогло образоваться самостоятельное и оригинальное направление политико-правовой мысли.

Этой установкой необходимо, на наш взгляд, считать восточный, или азиатский фактор миропознания, который можно объединить условным термином, используемым Н. С. Трубецким. Это «Наследие Чингисхана», иначе говоря, взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. «Азийство» в рамках евразийства есть смысл считать не недостатком, не изъяном, как указывал Н. А. Бердяев в уже упомянутой работе [2, с. 27], а сильной стороной, восстановившей историческую справедливость в восприятии отечественной истории. В связи с этим нельзя не упомянуть и современный пример такого художественного синтеза, реализованный А. Ивановым в романе «Сердце пармы», где он демонстрирует взгляд на соединение Московского царства с Великой и Малой Пермью не со стороны москвитов, а со стороны пермяков [7]. Ключевая, следовательно, задача исследования в рамках настоящей статьи — определить, что вкладывали евразийцы в смысл условного термина «Наследие Чингисхана».

Непосредственно этот термин использован в трудах Н. С. Трубецкого, в частности, в его работе «Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока» (впервые опубликована в 1925 г.). Он внача-

ле выдвигает гипотезу о том, что «в исторической перспективе то современное государство, которое можно называть и Россией, и СССР (дело не в названии), есть часть великой монгольской монархии, основанной Чингисханом» [8, с. 17]. Далее он обрисовывает границы этой части, указывая на то, что в силу географических факторов Россия охватывает не всю территорию великой монгольской монархии, а ее основное ядро. Приведем полное описание границ, даваемое Н. С. Трубецким, поскольку это позволяет определить, почему содержательно движущим фактором формирования доктрины евразийства выступило именно «Наследие Чингисхана».

«Существует длинная, более или менее непрерывная полоса безлесных равнин и плоскогорий, тянущаяся почти от Тихого океана до устьев Дуная. Эту полосу можно назвать системой степи. С севера она окаймлена широкой полосой лесов, за которой идет полоса тундр. С юга система степи окаймлена горными хребтами. Таким образом, имеются четыре тянущиеся с запада на восток параллельные полосы: тундровая, лесная, степная, горная. В меридиональном направлении, т. е. с севера на юг или с юга на север, вся эта система четырех полос пересекается системами больших рек» [8, с. 18]. Таким образом, Н. С. Трубецкой описывает сущность внутреннего географического строения особого субконтинента внутри материка «Евразия», на котором существовала империя Чингисхана, а затем сменившее ее Российское государство. Значительная часть этой территории, кстати говоря, принадлежит не части света «Европа», а части света «Азия».

Далее мыслитель-евразиец подходит к государственности во внутриконтинентальной области материка «Евразия» с точки зрения географического детерминизма: «С точки зрения исторической задачи объединения Евразии отсюда вытекает следующий важный факт: всякий народ, овладевший той или иной речной системой, оказывался господином только одной определенной части Евразии; народ же, овладевший системой степи, оказывался господином всей Евразии, так как, господствуя над протекающими через степь отрезками всех речных систем, он тем самым подчинял себе и каждую из этих речных систем в ее целом. Итак, объединить Евразию могло только государство, овладевшее всей системой степи» [8, с. 19]. Определив это общее правило для государственности на территории внутренней части Евразии, Н. С. Трубецкой переходит к историческим примерам построения общевразийской государственности.

Первым таким примером выступила монгольская кочевая империя Чингисхана и его наследников. «Чингисхану удалось выполнить историческую задачу, поставленную самой природой Евразии, — задачу государственного объединения всей этой части света. Он выполнил эту задачу так, как только и можно было ее выполнить, — объединив под своей властью степь, а через степь и всю остальную Евразию» [8, с. 20]. Недолговечность и непрочность такого политического образования объясняется Н. С. Трубецким вполне логично — Чингисхан объединил не только собственно Евразию, для которой такое объединение было необходимым и созидательным делом, но и части собственно Азии — Китай, Персию, которые в таком объединении не нуждались. Присоединение этих культур, равно как и попытки завоевания собственно европейских государств, подорвали силу монгольской империи, и она распалась.

Квинтэссенция понимания концепта «Наследие Чингисхана» Н. С. Трубецким выражается в следующей его мысли, которой он завершает общий обзор характерных черт Евразии и их взаимосвязи с государственностью. «Евразия представляет собой некую географически, этнологически и экономически цельную, единую систему, государственное объединение которой было исторически необходимо. Чингисхан впервые осуществил это объединение, и после него сознание необходимости такого единства проникло во все части Евразии, хотя не всегда было одинаково ясным. С течением времени это единство стало разрушаться. Русское государство инстинктивно стремилось воссоздать это нарушенное единство и потому является наследником, преемником, продолжателем исторического дела Чингисхана» [8, с. 21].

Таким образом, Россия сменила империю Чингисхана в деле объединения внутренней части Евразии, само же это объединение обусловлено рядом социально-экономических и геополитических факторов, описанных, например, другим представителем евразийства П. Н. Савицким [9, с. 167]. Кратко можно сказать, что такое объединение есть условие культурного выживания народов Евразии и сохранения ими своей политической, социально-экономической и духовно-культурной самостоятельности.

Для большей репрезентативности вывода о содержании концепта «Наследие Чингисхана», определяющего восточный, азиатский фактор формирования учения евразийства, обратимся к взглядам

Н. Н. Алексеева и Г. В. Вернадского, которые так же, как Н. С. Трубецкой и П. Н. Савицкий, относятся к основателям данного политико-правового учения. Проявление азиатского вектора в отечественной политической традиции Н. Н. Алексеев показывает через реализованную в Московской Руси идею монархии. «Власть московских государей получила свое идеологическое обоснование из Византии. В то же время Московское государство было не только государством православным, но и государством восточным, и монархические традиции Востока внедрялись в него не окольным путем, через Царьград, но непосредственно из азиатского мира. В силу этого черты восточной языческой монархии в Московском государстве были выражены не менее, если не более ярко, чем в Византии» [10, с. 60]. С этой точки зрения Московская Русь, а вслед за ней и Россия выступает наследницей империи Чингисхана не только в идее, в принципе — необходимости объединения Евразии, но и в методах и принципах управления, выразившихся прежде всего в восточной модели монархии.

Идею, высказанную Н. Н. Алексеевым, развертывает Г. В. Вернадский. «Русский народ получил два богатых исторических наследства — монгольское и византийское. Монгольское наследство — Евразийское государство. Византийское наследство — православная государственность. Оба начала тесно слились между собой в историческом развитии русского народа. Но, распутывая нити этого развития, необходимо помнить о присутствии обоих начал и замечать влияние того и другого. Отчасти соотношение между влиянием монгольским и византийским в русской истории есть соотношение между порядком факта и порядком идеи. Монгольское наследство облегчило русскому народу создание плоти Евразийского государства. Византийское наследство вооружило русский народ нужным для создания мировой державы строем идей» [11, с. 20]. Таким образом, в формировании российской государственности в осевой для нее период участвовал не только византийский идеологический сегмент, но и содержательный монгольский сегмент, определивший во многом и систему управления, и принципы отношения к власти, по крайней мере до великого церковного раскола конца XVII в. и до петровских реформ в отношении церкви.

«Наследие Чингисхана» представляет собой двусоставный феномен: с одной стороны — это показатель преемства между империей Чингисхана и Россией в деле объединения внутренней части материка «Евразия», обусловленного климатическими, географическими, геополитическими и социально-экономическими факторами; с другой стороны — это система власти и управления, система политических отношений, существовавшая в восточных государствах. Речь идет о идее-принципе и о методах ее воплощения. Выявление такого рода фактора в отечественной истории привело, на наш взгляд, евразийцев к мысли о невозможности реформирования России по европейскому пути, обратило их взоры на Восток, следствием чего стало идеологическое оформление политико-правового учения евразийства.

Другими словами, евразийцы стали евразийцами, осознав «Наследие Чингисхана», посмотрев на отечественную историю не с Запада, а с Востока. При этом не нужно поддаваться стереотипу об отсталом и неразвитом характере империи Чингисхана и ее контактирующей с Русью части — Золотой Орды. Это вполне адекватное своему времени государство, не уступающее по уровню развития другим государствам Средневековья. Как верно указывает Р. Ю. Почекаев, нужно отходить от этого стереотипа о Золотой Орде как о «паразитическом» кочевом государстве, целью которого являлось ограбление соседних оседлых государств, и формировать представление о ней как о «самобытной цивилизации с развитой системой ценностей, сложной государственной и правовой культурой» [12, с. 6]. Азиатское, восточное влияние, наследование великой монгольской империи есть исторический факт. В нем заключается не исконная слабость и неразвитость, в нем состоит неуправляемая сила и способность объединять разные культуры, не нарушая их самобытного развития. Наряду с восточным ортодоксальным православием наследие Чингисхана представляет собой неотъемлемую и важную часть фундамента Российского государства в его истории и современности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Флоровский Г. В. Евразийский соблазн // Мир России — Евразия: Антология / сост.: Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. М. : Высш. шк., 1995. С. 354–385.
2. Бердяев Н. А. Евразийцы. М. : T8RUGRAM, 2018. 112 с.
3. Предчувствия и свершения (предисловие из сборника «Исход к Востоку») // Мир России — Евразия: Антология / сост.: Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. М. : Высш. шк., 1995. С. 23–26.

4. Борщ И. В. Николай Алексеев как философ права : монография. М. : Юрлитинформ, 2015. 168 с.
5. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М. : Аграф, 2003. 640 с.
6. Трубецкой Н. С. Европа и человечество // Наследие Чингисхана. М. : Эксмо, 2019. С. 89–140.
7. Иванов А. В. Сердце пармы: роман. М. : Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. 507 с.
8. Трубецкой Н. С. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Наследие Чингисхана. М. : Эксмо, 2019. С. 15–88.
9. Савицкий П. Н. Континент-океан (Россия и мировой рынок) // Исход к Востоку. Философия евразийства / под ред. О. С. Широкова. М. : Добросвет, изд-во «КГУ», 2016. С. 166–193.
10. Алексеев Н. Н. Христианство и идея монархии // Русский народ и государство. М. : Аграф, 2003. С. 48–67.
11. Вернадский Г. В. Начертание русской истории. М. : Алгоритм, 2012. 336 с.
12. Почекаев Р. Ю. Правовая культура Золотой Орды (историко-правовые очерки). М. : Юрлитинформ, 2015. 312 с.